

Владимир СОЛОУХИН

«ПО НЕБУ

ПОЛУНОЧИ

АНГЕЛ ДЕТЕЛ...»

ПИСАТЬ о Лермонтове? Да разве это возможно? Приходят сразу на ум слова: волшебство, магия слова, загадка, тайна, поэзия в чистом виде. Слова эти приходят на ум, но ровно ничего не объясняют. Стихи Лермонтова надо просто читать, вернее — твердить, что мы и делаем, потому что все давно уже читано, заучено наизусть с раннего детства и на всю остальную жизнь.

Недавно в Москве находилась делегация деловых людей из очень далекой страны, и был там один коммерсант российского происхождения, но в таком поколении, что уж не знал русского языка. Он всем рассказывал, что в детстве мать пела ему какую-то песню, но он все забывал: и мелодию, и слова, а помнит одно только первое слово. Так не поможет ли кто-нибудь ему по этому единственному слову узнать, что это была за песня?

— Какое же первое слово? — спросили у коммерсанта.

— Ви-хо-жу... — с характерным акцентом выговорил коммерсант.

Ну, тотчас и спели ему (а дело происходило в застолье) известную песню.

У самого Лермонтова получилось трагичнее. Его мать умерла, когда мальчику было три года. Зрительного образа живой матери у Лермонтова не осталось, но осталось нечто в душе, что он потом старался вспомнить всю жизнь, но так и не вспомнил. Осталась не сама песня, которую ему пела мать, но лишь ощущение песни, память о песне. Лермонтов был убежден, что, если бы он услышал ее вновь, непременно узнал бы.

Забывая песня матери (но все же не забывая, значит) породила светлую и мощную струю в поэзии Лермонтова. Есть у юного Лермонтова стихотворение «Ангел», помеченное 1831 годом (Лермонтову 17 лет). И это та точка, где пробился наружу из глубин души родник поэзии великого нашего поэта. Потом его поэзия превратится в поток, отразивший в себе и родные Тарханы, и Кавказ, и звезды, и облака, и луну, плывущую по небу, но сам родник, сам источник вот он — стихотворение «Ангел».

В сущности, и строго говоря, биографический факт. Вернее сказать, полное совпадение с биографическим фактом. Ангел несет живую душу, чтобы осветить ее в земного человека, и поет песню. Душа не запомнила этой песни, но ощущение песни, память о песне осталась. И вот — земные песни не могут заменить ей тех небесных звуков. Душа в земной оболочке томится, вспоминая о них.

Но разве не точно так же мать, молодая, красивая, нежная женщина (ангел?), лепела своей песней душу мальчика, готовя его к трудной и жестокой жизни, к земному пути? Стихотворение «Ангел» — ключ к пониманию всей поэзии Лермонтова. Вот именно — изначальный родник. Потом волюнтеризм в поэтический поток новые струи, лирические, эпические, социальные, но главный мотив таится здесь.

А тут еще в раннем детстве, во время пребывания с бабушкой на Кавказе, он увидел синеглазую светловолосую девочку. Вбежал в комнату, где играли другие дети, а там — она! С десятилетним мальчиком от этих синих (ангельских) глаз случился почти что обморок. Потом он не помнил даже имени девочки, все собрался спросить у взрослых, но постеснялся. Удивится: почему же он ее до сих пор не забыл? Так и жил со смутным воспоминанием чего-то

прекрасного, почти божественного в душе, соотнося с этим образом все, что встречалось на жизненном пути, и отбрасывая все прочее. Опять все тот же мотив: «И звуков небес заменить не могли ей скучные песни земли».

Обратите внимание, что из двух непроницаемых бездн, проблемном между которыми является человеческая жизнь, люди заглядывают все время в ту, которая ждет, а не в ту, которая осталась позади. Одни — рационально отрицая, другие — смутно надеясь, третьи — твердо веруя, что их там впереди ждет какое-то продолжение, но все люди, все философские концепции, религии всех времен и народов обращают свой взор к той бездне, в которой человек исчезнет, а не к той, из которой он появился. Лермонтов же прожил свою жизнь так, как будто он знал что-то о прошлом и о чем-то помнил. «Забывать? — забвения не дал бог: да он и не взял бы забвения...», «...Спасти от думы неизбежной и незабвенное забыть!», «...И лучших дней воспоминанья пред ним теснились толпой». «В душе моей, с начала мира, твой образ был напечатлен...».

Лермонтов обладал удивительным ощущением космоса. Я думаю, что он первый в русской (а возможно, в мировой) поэзии посмотрел на землю с космической высоты. До этого смотрели все снизу вверх на облака, на звезды, на комету на птиц. Никому не приходило на ум взглянуть сверху вниз. Пушкин, правда, взглянул на Кавказ таким образом, но с высоты самого же Кавказа, «Кавказ подо мною. Один в вышине стою над снегами у края стремнины...» Но разве же это высота?

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Тод ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял.
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял...

Можно спросить у наших космонавтов: с какой высоты Казбек покажется ограниченным алмазным камешком, а Дарьялское ущелье, — трещиной, где поместиться только змея?

Космосом веет и от уже упомянутого нами одного из лучших в отечественной лирике стихотворения «Выхожу один я на дорогу...». Туман, кремнистый путь, пустыня, и звезда с звездой говорит. Почему пустыня? Какая пустыня? Потому что поэт один перед небом, перед звездами, на кремнистом пути. «Слит земля в сиянье голубом...». Это — не «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», это — не «Луна золотую порошею осыпала даль деревьев», это — не «Чудный месяц плывет над рекою». Это — спит земля в сиянье голубом!

Кто-то когда-то обронил, как будто удачно, что Пушкин-де был дневным, а Лермонтов ночным светилосом русской поэзии. Но скорее Лермонтова, по пристрастию по крайней мере, можно уподобить не светилу, а небу. В Тарханах ли в раннем детстве, на Кавказе ли застолбился он на небесную синеву, воспоминания ли о синем взгляде той девочки сохранила душа, но только синева небес — основная, пожалуй, активная краска в стихах поэта.

Автопортрет М. Ю. Лермонтова. 1837—1838 гг.

В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог...

Раз — это было под Гихами —
Мы проходили темный лес:
Огнем дыша, пылая над нами
Лазурно-яркий свод небес.

И дальше, и дальше: «...Глядит — и небеса играют в ее божественных глазах». «Как небеса, твой взор блистает эмалью голубой...». «Молча сию под окном темницы: синее небо отсюда мне видно...». «Утром в путь она умчалась рано, по лазури весело играя...».

С такой-то вот чистой небесной синевой в глубине души вступил Лермонтов на кремнистый (как помним) путь своей короткой и ослепительно яркой жизни. Голубизны в ней было меньше, чем в небе или в душе.

Ранняя потеря любимой матери, ранняя вынужденная разлука с любимым отцом, то есть сиротство, раннее ощущение внутреннего конфликта с окружающей средой... Тут я собирался на целую стра-

нице перечислить все камни и кремни на жизненном пути молодого поэта и русского дворянина, но и сам споткнулся. Да, сиротство, конечно, но ведь под крылом беззаветно любящей и богатой бабушки. И он — в будущем — единственный ее наследник. А в остальном? Многочисленная просвещенная родня, образованное, чтобы не сказать блестящее, общество, полная материальная обеспеченность. Благородный университетский пансион в Москве, Московский университет, Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, лейб-гвардии Гусарский полк, юнкерские кутежи, великосветские балы, ослепительно красивые, утонченные женщины, благородные умные друзья... Приходится из всех невзгод остановиться на внутреннем конфликте с окружающей средой, но получается очень уж не конкретно.

Конечно — ссылка. Высочайшим повелением лейб-гвардии Гусарского полка корнет Лермонтов переводился тем же чином в Нижегородский драгунский полк (на Кавказе). Но и тогда, и теперь, и во все времена разве все офицеры должны служить в столице? Стихи на смерть Пушкина уже написаны, разошлись, читаются, а это главное для поэта. Кавказ поэт любил с детства едва ли не больше своей среднерусской родины. Кавказ был

в саду у Погодина, а Лермонтов лишь присутствовал. Однако присутствовал и — добавим от себя — не случайно и не случайно именно в этом кругу людей. Что-то, видимо, сближало его с перечисленными людьми и со всем, что за ними стояло.

Лермонтов был глубоко народен уже в самых ранних проявлениях своего гения, можно было бы сказать, что народность он всосал вместе с молоком матери, но в том-то и дело, что у него была кормилица, простая тархановская крестьянка. Созревая и мужая, поэт становился все народнее, все глубже. Родная история интересовала его не праздно, чувство родной истории в нем жило всегда.

Отсюда «Песня про купца Калашникова», «Бородино», «Казачья колыбельная песня», «Родина». Многие его стихи сразу же становятся народными песнями: «Трутник», «Тамара», «Гарус», «Борсидин», «Два великана», «Выхожу один я на дорогу...» Поэт начал понимать свое предназначение как прямой наследник и преемник Пушкина. Теперь он мечтает уйти в отставку не потому, что ему надоела жизнь война, а для того, чтобы издавать свой журнал, для того, чтобы занять подбавляющее ему место во главе русской словесности. Все кипение молодости, порождавшее, с одной стороны, непревзойденные поэтические шедевры, но с другой — множество черновиков, набросков и вариантов, усмирялось, остепенялось, ложилось в русло полноводной реки, а сквозя все теснины, кинжалы, аулы, сторожевые башни, горные потоки все яснее можно было видеть как бы протоптавший водяной знак:

Люблю дымок спаленной живны,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

Впрочем, дело не в том, Кавказ в стихах или «дрожащие огни печальных деревень». Вот строфа, от которой берет эстафету последующий гигант, Лев Толстой:

Тнулись горы — и Назбек
Сверкая глазою острокопной,
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек,
Чего он хочет!..» небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один врандует он — зачем!»

В лермонтовском творчестве сорокового и сорок первого годов воочию исполнялось пророчество Белинского о том, что «это будет русский поэт с Ивана Великого».

...По чьему-то меткому выражению, пуля Мартынова срезала верхушку с дерева русской поэзии, после чего она пошла расти в сучья. Действительно, много великодушных поэтов было на Руси в последующие десятилетия: Полонский, Майков, А. К. Толстой, Фет, Некрасов... Но до высочайшей лермонтовской отметки волны их поэзии все-таки не доплескивали.

Однако вернемся к лирике Лермонтова. Мы остановились на том, что Лермонтов жил со смутным воспоминанием чего-то прекрасного, почти божественного, соотнося с этим образом все, что встречалось на жизненном пути, и все отбрасывая прочь. Однако не все.

Каждый, кто внимательно прочитал бы Лермонтова — и стихи, и «Героя нашего времени», и «Княжину Литовскую», и поэмы, — мог бы прийти к безосновному выводу, что через всю свою жизнь поэт пронес одностороннюю, огромную, неизменную, глубокую любовь к одной женщине. Очевидно, что поэт постоянно обращается к любимому, более того, любящему человеку, близкому, полностью понимающему его, дорогому, но в то же самое время далекому, можно сказать, недоступному. Она, эта женщина, более всех других отвечала тому смутному, лазурному, небесному, что жило в душе поэта и что он ревностно оберегал от чужих взглядов. Одной ей он мог бы отдать всю душу, с одной ею он мог бы вспомнить то, что старался вспомнить всю жизнь, — она одна, короче говоря, отвечала его душевному чистому идеалу. Но никогда и ни разу любящий поэт не обмолвился, ни одним словом не выдал имени любимой, а потом ее родные, зная о взаимной страсти двух молодых людей, крепко хранили секрет. Первый биограф Лермонтова Павел Висковский пишет: «Изучая жизнь Лермонтова, я давно пришел к убеждению, что над ним господствовала глубокая и поэтому возвышенная страсть — источник наслаждения и горя. В 1880 году я, наконец, от родственника любящий им женщины, живущих в средней полосе России, получил первые точные сведения об ее отношениях к поэту. Но я должен был дать обещание молчать».

Но время прошло, то там, то тут имя женщины начало появляться в воспоминаниях, записках. Теперь оно стало достоянием гласности, и все мы его знаем: Варенька, Варвара Александровна Лопухина. Достаточно только перечислить стихи, посвященные ей, чтобы понять, какую роль она сыграла в жизни поэта. «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»), «Оправдание», «Нет, не тебя так пылко я люблю...», «У ног других не

забывал...», «Мы случайно сведены судьбою...», «Оставай напрасные заботы...», «Она не гордой красотою...», «Слова разлуки повторяю...», «Валерик», «Мой друг, напрасное старанье!», «Расстались мы, но твой портрет...», «Молитва» («Я, мать божия, ныне с молитвою...»). И это далеко не все. Павел Висковский пишет: «Поэма «Демон», особенно в первых очерках, вся проникнута изображением душевных бурь поэта и его любви к чудной девушке, от которой он ждал спасения, в коей видел для себя оплот против мрачных дум и настроений души. В себе видел поэт мрачного демона, в Вареньке ясное, безгрешное существо, которое одно может вернуть его к небесам, то есть к правде и добру».

Это подтверждается и тем, что, когда Лермонтов писал «испанский» вариант «Демона», он одновременно рисует портрет Вареньки в образе испанской монахини. Рисунок этот, к великому счастью, уцелел, и мы можем вочию видеть, какой была Варенька Лопухина, да еще и в восприятии самого Лермонтова.

Совсем безнадежными их отношения стали, когда Варенька вышла замуж в 1835 году.

Весть о замужестве Вареньки поразила Лермонтова, как молния, а узнав о смерти Михаила Юрьевича, Варвара Александровна, теперь уже Бахметева, так и не смогла оправиться от удара, хоть и прожила еще десять лет, умерев в 1851 году в возрасте тридцати шести лет.

Варенька тоже любила Лермонтова, почему же они не поженились? На этот счет существует много гаданий и толкований. В том числе можно выдвинуть версию и о том, что Лермонтов хотел такой вот идеальной, недостижимой любви, которая освещала бы его жизнь, и боялся, что иначе свет погаснет. Но дело, кажется, проще.

Они были почти ровесники. Шестнадцатилетняя девушка тогда — уже невеста, а шестнадцатилетний юноша — какой же это жених? Они были рождены друг для друга, но роковым образом не для брака, а лишь для любви. Мужчины тогда не женились рано, и уж во всяком случае на ровесниц. Лермонтов в своем возрасте просто не был еще психологически готов к браку. Вспомним, что Пушкин женился после 30 лет, а Толстой — в 34. Вспомним, что Наталья Николаевна в 25 лет уже овдовела, а мать Лермонтова умерла в 22 года, когда Мише было уже 3 года. Представим себе, что Варенька Лопухина ждала бы Лермонтова до 30 лет и более. Но 30 лет тогда — это уже старая дева!

Как бы то ни было, оба они унесли свою любовь в могилу — один чуть раньше, другая чуть позже.

...Есть ряд имен в человеческой истории, печальная известность к которым пришла не сама по себе, а потому лишь, что они роковым образом соприкоснулись с другими личностями или явлениями. «Поманут меня, — сейчас же поманут и тебя!» — так сформулировал эту славу Михаил Булгаков в своем известном романе. Таковы в русской истории Дантес и Мартынов.

Убийство Мартыновым Лермонтова нужно квалифицировать как (был такой термин в старой юриспруденции) убийство подлое. Да, были секунданты и все как будто совершалось по правилам дуэльного кодекса. Тем не менее, Дуэли тогда были обыкновенны. Восемь дуэлей из десяти кончались ничем. Важно было выйти к барьеру и выдержать выстрел. Чаще всего стреляли вверх или в сторону, пожимали руки и ехали пить шампанское. Никто из участников не придавал серьезного значения и предстоящей дуэли Лермонтова с Мартыновым. Никто, кроме убийцы. Не взяли доктора. Не взяли тележку на случай ранения одного из дуэлянтов. Лермонтов не хотел стрелять. Он стоял, держа пистолет стволом вверх. Нет никаких сомнений, что, если бы Мартынов «промахнулся», Лермонтов разрядил бы свой пистолет в воздух. Но Мартынов тщательно прицелился в спокойно стоящего Лермонтова и убил его наповал.

Погасло синее небо. В одно мгновение погибли все замыслы, все ненаписанные стихи, поэмы, романы, будущий журнал. Все это погибло на пороге зрелости поэта, то есть в самом начале. Пользуясь современным авиационным словом, можно сказать, что Пушкин все же обозначил свой «потолок». Он много бы еще сделал. «Тогда-то я начну писать поэму песен в двадцать пять». Но высота его полета все же ясна. «Потолок» Лермонтова еще не обозначен. Последние его стихи, записанные в тетрадь Одесского: «Сон», «Спор», «Утес», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой!», «Выхожу один я на дорогу...» и, наконец, «Пророк» — последнее, что написал Лермонтов, — это крутая, если не вертикальная, линия вверх. Шедевры один ярче, лучше и глубже другого. Сколько бы ни проходило десятилетий и даже веков, никогда ни одно русское сердце не примирится со смертью Лермонтова и не устанет проклинать его убийцу.

Архив «ЛГ»

МОСКОВСКИЕ АДРЕСА ПОЭТА

ша, осыпается мелкий песок, которым промокал исписанные страни

или труб, за сие не отбестую.

Черновой в том, что на яля у нее дом, состоящий из Арбатской части и нагала под № 41 не

Если представить то, что наиболее вероятно создавалось именно на

Недавно в Москве находилась делегация деловых людей из очень далекой страны, и был там один коммерсант российский происхождения, но в таком поколении, что уж не знал русского языка. Он всем рассказывал, что в детстве мать пела ему какую-то песню, но он все забыл: и мелодию, и слова, а помнит одно только первое слово. Так не поможет ли кто-нибудь ему по этому единственному слову узнать, что это была за песня?

— Какое же первое слово? — спросили у коммерсанта.

— Ви-хо-жу... — с характерным акцентом выговорил коммерсант.

Ну, тотчас и спели ему (а дело происходило в застолье) известную песню.

У самого Лермонтова получилось трагичнее. Его мать умерла, когда мальчику было три года. Зрительного образа живой матери у Лермонтова не осталось, но осталось нечто в душе, что он потом старался вспомнить всю жизнь, но так и не вспомнил. Осталась не сама песня, которую ему пела мать, но лишь ощущение песни, память о песне. Лермонтов был убежден, что, если бы он услышал ее вновь, непременно узнал бы.

Забывая песню матери (но все же не забывая, значит) породила светлую и мощную струю в поэзии Лермонтова.

Есть у юного Лермонтова стихотворение «Ангел», помеченное 1831 годом (Лермонтову 17 лет). И это та точка, где пробился наружу из глубин души родник поэзии великого нашего поэта. Потом его поэзия превратится в поток, отразивший в себе и родные Тарханы, и Кавказ, и звезды, и облака, и луну, плывущую по небу, но сам родник, сам источник вот он — стихотворение «Ангел».

В сущности, и строго говоря, биографический факт. Вернее сказать, полное совпадение с биографическим фактом. Ангел несет живую душу, чтобы вселить ее в земного человека, и поет песню. Душа не запомнила этой песни, но ощущение песни, память о песне осталась. И вот — земные песни не могут заменить ей тех небесных звуков. Душа в земной юдоли томится, вспоминает о них.

Но разве не точно так же мать, молодая, красивая, нежная женщина (ангел), лелеяла своей песней душу мальчика, готовя его к трудной и жестокой жизни, к земному пути? Стихотворение «Ангел» — ключ к пониманию всей поэзии Лермонтова. Вот именно — изначальный родник. Потом выольются в поэтический поток новые струи, лирические, эпические, социальные, но главный мотив там-то здесь.

А тут еще в раннем детстве, во время пребывания с бабушкой на Кавказе, он увидел синеглазую светловолосую девочку. Вбежал в комнату, где играли другие дети, а там — она! С десятилетним мальчиком от этих синих (ангельских) глаз случился почти что обморок.

Потом он не помнил даже имени девочки, все собирался спросить у взрослых, но постеснялся. Удивительн: почему же он ее до сих пор не забыл? Так и жил со смутным воспоминанием чего-то

прекрасного, почти божественного в душе, соотнося с этим образом все, что встречалось на жизненном пути, и отбрасывая все прочее. Опять все тот же мотив: «И звуков небес заменить не могли ей скучные песни земных».

Обратите внимание, что из двух непроницаемых бездн, проблем между которыми является человеческая жизнь, люди заглядывают все время в ту, которая ждет, а не в ту, которая осталась позади. Одни — рационально отрицают, другие — смутно чадеясь, третьи — твердо веруя, что их там впереди ждет какое-то продолжение, но все люди, все философские концепции, религии всех времен и народов обращают свой взор к той бездне, в которой человек исчезнет, а не к той, из которой он появился. Лермонтов же прожил свою жизнь так, как будто он знал что-то о прошлом и о чем-то помнил. «Забывать! — забвенья не дал бог: да он и не взял бы забвенья...», 4... Спасисты от думы неизбежной и незабвенной забыть!», «...И лучших дней воспоминанья пред ним теснились толпой». «В душе моей, с начала мира, твой образ был напечатлен...».

Лермонтов обладал удивительным ощущением космоса. Я думаю, что он первый в русской (а возможно, в мировой) поэзии посмотрел на землю с космической высоты. До этого смотрели все снизу вверх на облака, на звезды, на комету на птиц. Никому не приходило на ум взглянуть сверху вниз. Пушкин, правда, взглянул на Кавказ таким образом, но с высоты самого же Кавказа. «Кавказ под мною. Один в вышине стою над снегами у края стремнины...» Но разве же это высота?

И над вершинами Кавказа
Изгнанный рая пролетал:
Год или Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял.
Как трава, жилаще в нем,
Вился излучистый Дарьял...

Можно спросить у наших космонавтов: с какой высоты Казбек покажется огненным алмазным камешком, а Дарьяльское ущелье, — трещиной, где поместиться только змея?

Космосом веет и от уже упомянутого нами одного из лучших в отечественной лирике стихотворения «Выхожу один я на дорогу...». Туман, кремнистый путь, пустыня, и звезда с звездой говорит. Почему пустыня? Какая пустыня? Потому что поэт один перед небом, перед звездами, на кремнистом пути. «Спит земля в сиянь голубом...». Это — не «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», это — не «Луна золотую порошею обсыпала даль деревьев», это — не «Чудный месяц плывет над рекою». Это — спит земля в сиянь голубом!

Кто-то когда-то обронил, как будто удачно, что Пушкин-де был дневным, а Лермонтов ночным светилем русской поэзии. Но скорее Лермонтова, по пристрастию по крайней мере, можно уподобить не светилу, а небу. В Тарханах ли в раннем детстве, на Кавказе ли засмотрелся он на небесную синеву, вспоминая ли о синем взгляде той девочки, сохранила душа, но только синеву небес — основная, пожалуй, активная краска в стихах поэта.

Кто-то когда-то обронил, как будто удачно, что Пушкин-де был дневным, а Лермонтов ночным светилем русской поэзии. Но скорее Лермонтова, по пристрастию по крайней мере, можно уподобить не светилу, а небу. В Тарханах ли в раннем детстве, на Кавказе ли засмотрелся он на небесную синеву, вспоминая ли о синем взгляде той девочки, сохранила душа, но только синеву небес — основная, пожалуй, активная краска в стихах поэта.

Автопортрет М. Ю. Лермонтова. 1837—1838 гг.

В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог...

Раз — это было под Гиханом —
Мы проходили темный лес:
Огнем дыша, пылали над нами
Лазурно-яркий свод небес.

И дальше, и дальше: «...Глядит — и небеса играют в ее божественных глазах». «Как небеса, твой взор блистает эмалью голубой...». «Молча сижу под окном темницы: синее небо отсюда мне видно...». «Утром в путь она умчалась рано, по лазури весело играя...».

С такой-то вот чистейшей небесной синевой в глубине души вступил Лермонтов на кремнистый (как помним) путь своей короткой и ослепительно яркой жизни. Голубизны в ней было меньше, чем в небе или в душе.

Ранняя потеря любимой матери, ранняя вынужденная разлука с любимым отцом, то есть сиротство, раннее ощущение внутреннего конфликта с окружающей средой... Тут я собирался на целую стра-

первой любовью русской литературы, а Пушкин и Лермонтов тогда и были, в сущности, русская литература, русская поэзия, во всяком случае. Конечно, из Петербурга он переводился в действующую армию. Но для офицера это вовсе нельзя считать невзгодой или несчастьем, на то ведь и офицер, чтобы воевать.

Нет, никак нельзя сказать, что жизнь Лермонтова с внешней стороны была полна невзгод. У декабристов и у их жен невзгод было больше. Лермонтов не попал в молодости, как Некрасов, не стоя под расстрелом и не сыскался на каторгу, как Достоевский, не разжаловался в солдаты, как Полежаев, не жил в вынужденной эмиграции, как Герцен, не чах от туберкулеза, как Белинский.

Просто он с его характером, темпераментом, его душой и талантом, с его масштабностью, что ли, если употребить современное наше выражение, не вписывался в окружающую его действительность. Он мог бы вписаться только в русскую литературу и был на прямом и верном пути к этому. И если, скажем, обед у Погодина в честь гоголевских именин (9 мая по старому стилю), и Гоголь захотел собрать своих друзей и знакомых, то на этом обеде были С. Т. Аксаков, его сын Константин, А. И. Тургенев, Самарин, П. А. Вяземский, Щепкин, Лермонтов, Баратынский, Загоскин, Хомяков... Лермонтов читал имениннику и всем собравшимся отрывок из поэмы «Мцыри», и, говорят, прекрасно читал. Конечно, Гоголь был средоточием общества, собравшегося

сплошности. Все кипение молодости, порождение с одной стороны, непревзойденные поэтические шедевры, но с другой — множество черновиков, набросков и вариантов, усмирилось, остепенилось, пошло в русло полноводной реки, а сквозь все теснины, кинжалы, аулы, сторожевые башни, горные потоки все явственнее можно было видеть как бы выступающий водяной знак:

Люблю дымом спальной жницы,
В степи ночующий обоз
И на холме среди желтой нивы
Чету белющих берез.

Впрочем, дело не в том, Кавказ в стихах или «дрожание огни печальных деревень». Вот строфа, от которой берет эстафету последующий гигант, Лев Толстой:

Тянулись горы — и Казбек
Сверкая глазою острокопечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Налил человек.
Чего он хочет? Небо ясно,
Чья небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»

В лермонтовском творчестве сорокового и сорок первого годов воочию исполнялось пророчество Белинского о том, что «это будет русский поэт с Ивана Великого».

...По чьему-то меткому выражению, пуля Мартынова срезала верхушку с дерева русской поэзии, после чего она пошла расти в сучья. Действительно, много великодушных поэтов было на Руси в последние десятилетия: Полонский, Майков, А. К. Толстой, Фет, Некрасов... Но до высочайшей лермонтовской отметки волны их поэзии все-таки не доплескивали.

Однако вернемся к лирике Лермонтова. Мы остановились на том, что Лермонтов жил со смутным воспоминанием чего-то прекрасного, почти божественного, соотнося с этим образом все, что встречалось на жизненном пути, и все отбрасывая прочь. Однако не все.

Каждый, кто внимательно прочитал бы Лермонтова — и стихи, и «Героя нашего времени», и «Княгиню Литовскую», и поэмы, — мог бы прийти к безоговорочному выводу, что творчество этой жизни поэт принес одностороннюю, огромную, неизменную, глубокую любовь к одной женщине. Очевидно, что поэт постоянно обращается к любимому, более того, любящему человеку, близкому, полностью понимающему его, дорогому, но в то же самое время далекому, можно сказать, недоступному. Она, эта женщина, более всех других отвечала тому смутному, лазурному, небесному, что жило в душе поэта и что он ревностно оберегал от чужих взглядов. Одной ей он мог бы отдать всю душу, с одной ей он мог бы вспомнить то, что старался вспомнить всю жизнь. — она одна, короче говоря, отвечала его душевному чистому идеалу. Но никогда и ни разу любящий поэт не обмолвился, ни одним словом не выдал имени любимой, а потом ее родные, зная о взаимной страсти двух молодых людей, крепко хранили секрет.

Первый биограф Лермонтова Павел Висковский пишет: «Изучая жизнь Лермонтова, я давно пришел к убеждению, что над ним господствовала глубокая и поэтому возвышенная страсть — источник наслаждения и горя. В 1880 году я, наконец, от родственников любимой им женщины, живущих в средней полосе России, получил первые точные сведения об ее отношениях к поэту. Но я должен был дать обещание молчать».

Но время прошло, то там, то тут имя женщины начало появляться в воспоминаниях, записках. Теперь оно стало достоянием гласности, и все мы его знаем: Варенька, Варвара Александровна Лопухина.

Достаточно только перечислить стихи, посвященные ей, чтобы понять, какую роль она сыграла в жизни поэта. «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»), «Оправдание», «Нет, не тебя так пылко я люблю...», «У ног других не

Весть о замужестве Вареньки поразила Лермонтова, как молния, а узнав о смерти Михаила Юрьевича, Варвара Александровна, теперь уже Бахметева, так и не смогла оправиться от удара, хоть и прожила еще десять лет, умерев в 1851 году в возрасте тридцати шести лет.

Варенька тоже любила Лермонтова, почему же они не поженились? На этот счет существует много гаданий и толкований. В том числе можно выдвинуть версию и о том, что Лермонтов хотел такой вот идеальной, недостижимой любви, которая освещала бы его жизнь, и боялся, что иначе свет погаснет. Но дело, кажется, проще.

Они были почти ровесники. Шестнадцатилетняя девушка тогда — уже невеста, а шестнадцатилетний юноша — какой же это жених? Они были рождены друг для друга, но роковым образом не для брака, а лишь для любви. Мужчины тогда не женились рано, и уж во всяком случае на ровесницах. Лермонтов в своем возрасте просто не был еще психологически готов к браку. Вспомним, что Пушкин женился после 30 лет, а Толстой — в 34. Вспомним, что Наталья Николаевна в 25 лет уже овдовела, а мать Лермонтова умерла в 22 года, когда Мише было уже 3 года. Представим себе, что Варенька Лопухина ждала бы Лермонтова до 30 лет и более. Но 30 лет тогда — это уже старая дева!

Как бы то ни было, оба они унесли свою любовь в могилу — один чуть раньше, другая чуть позже.

...Есть ряд имен в человеческой истории, печальная известность к которым пришла не сама по себе, а потому лишь, что они роковым образом соприкоснулись с другими личностями или явлениями. «Поманут меня, — сейчас же поманут и тебя!» — так сформулировал эту славу Михаил Булгаков в своем известном романе. Таковы в русской истории Дантес и Мартынов.

Убийство Мартыновым Лермонтова нужно квалифицировать как (был такой термин в старой юриспруденции) убийство по долгу. Да, были секунданты и все как будто совершалось по правилам дуэльного кодекса. Тем не менее, дуэли тогда были обыкновенны. Восемь дуэлей из десяти кончались ничем. Важно было выйти к барьеру и выдержать выстрел. Чаще всего стреляли вверх или в сторону, пожимали руки и ехали пить шампанское. Никто из участников не придавал серьезного значения и предстоящей дуэли Лермонтова с Мартыновым. Никто, кроме убийцы. Не взяли доктора. Не взяли тележку на случай ранения одного из дуэлянтов. Лермонтов не хотел стрелять. Он стоял, держа пистолет стволом вверх. Нет никаких сомнений, что, если бы Мартынов «промахнулся», Лермонтов разрядил бы свой пистолет в воздух. Но Мартынов тщательно прицелился в спокойном стоящего Лермонтова и убил его наповал.

Погасло синее небо. В одно мгновение погибли все замыслы, все ненаписанные стихи, поэмы, романы, будущий журнал. Все это погбило на пороге зрелости поэта, то есть в самом начале. Пользуясь современным авиационным словом, можно сказать, что Пушкин все же обозначил свой «потолок». Он много бы еще сделал: «Тогда-то я начну писать поэму песен в двадцать пять». Но высота его полета все же ясна. «Потолок» Лермонтова еще не обозначился. Последние его стихи, записанные в тетрадь Одоевского: «Сон», «Спор», «Утес», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...», «Выхожу один я на дорогу...» и, наконец, «Пророк» — последние, что написал Лермонтов, — это крутая, если не вертикальная, линия вверх. Шедевры один ярче, лучше и глубже другого. Сколько бы ни проходило десятилетий и даже веков, никогда ни одно русское сердце не примирится со смертью Лермонтова и не устанет проклинать его убийцу.

Архив «ЛР»

САМЫЕ яркие и сильные впечатления ранней юности связаны у Лермонтова с Москвой: «там я родился, там много страдал и там же был счастлив». И есть, видимо, высшая справедливость в том, что среди всех испытаний, которые выпали на долю нашей древней столицы, упал дом лермонтовской юности — маленький деревянный особняк на Малой Молчановке, одной из самых милых улочек старого Арбата.

На мемориальной доске выбито, что он жил здесь с 1830 по 1832 год. Ученые датируют точнее: с весны 1830-го по июль — начало августа 1832-го. Эта датировка вошла и в последний капитальный труд о поэте — Лермонтовскую энциклопедию. Но бывает, что привычное и устоявшееся вдруг отступает перед неопровержимостью новых, ранее неизвестных фактов и документов.

Московские архивы... Сколько еще неизведанного таит в себе их хранители! Медленно переворачиваются листы; тихо шур-

МОСКОВСКИЕ АДРЕСА ПОЭТА

ша, осыпается мелкий песок, которым промокла ли исписанные страни-

цы... Мелькают имена значимые и совсем чужие, важные дела города и мелкие обязательские увлечения, страницы жизни Москвы лермонтовской поры.

И вдруг на одной из них...

11 августа 1829 года я, нижеподписавшаяся по рудича Елизавета Александровна, заключила сию условия с опекуншею московского купеческого вдовца Феклой Ивановой Черновой в том, что наняла у нее деревянный ее дом, состоящий из трех частей: 1-й квартала под № 41 на Малой Поварской улице с принадлежностями и оному, особым двором колодезю, кухней и людской избой, конюшней и каретным сараем, и анбаром для хлеба, сроком с вышесанного числа по 10 июня будущего 1830 года, ценю 3 тысячи рублей, но нето и обязуюсь:

2-е) беречь от пожара, но случая, не естии, чего бже изаби, последует от небрежения моего или при мне живущих все строения сгорят, то, не доводя Арба какой части 1-й квартала под № 41 на Малой Поварской улице с принадлежностями и оному, особым двором колодезю, кухней и людской избой, конюшней и каретным сараем, и анбаром для хлеба, сроком с вышесанного числа по 10 июня будущего 1830 года, ценю 3 тысячи рублей, с асигнациями. Если же из-за части дома сгорит, то все погибшее обязуюсь исправить за свой коштом. Но если пожар присойдет от грозы или соседей,

или труб, за сие не ответствую.

3-е) в доме и на дворе наблюдать чистоту и опрятность. По срок сдать в совершенной исправности, как то было принято 4-е) платеж за чистоту и опрятность в 1000 руб.

5-е) живущих при мне и приезжающих не мн для жилия давать знать полиции. Мебель, замки, задвижки и стелю принимать по особу ученому или по сроку сдать в том же самом виде, как было принято. Условия сии содержать свято и ненарушить и подписанием моим и по записке у маилера иметь дом хозяйке.

К сему условно гвардии поручица Елизавета Александровна Арсеньева руку приложила. К сей записке Елизавета Арсеньева руку приложила (личная подпись). К сей записке московская купеческая вдова Арсеньева руку приложила и условия заключила Фекла Чернова.

Маилер Никифор Бастрыгин. Добровольной Терехов.

Договорная записка с аймае дома на Молчановке, нынешнего Лермонтовского мемориального музея! И опытно поиск, еще более кропотливый и нетерпеливый. И снова очередная договорная: «1330 года, июня 10 дня, я, нижеподписавшаяся по рудича Елизавета Александровна, заключила сию условия с опекуншею купеческого вдовца Феклой Ивановой Черновой в том, что наняла у нее деревянный ее дом, состоящий из трех частей: 1-й квартала под № 41 на Малой Поварской улице с принадлежностями и оному, особым двором колодезю, кухней и людской избой, конюшней и каретным сараем, и анбаром для хлеба, сроком с вышесанного числа по 10 июня будущего 1830 года, ценю 3 тысячи рублей, с асигнациями. Если же из-за части дома сгорит, то все погибшее обязуюсь исправить за свой коштом. Но если пожар присойдет от грозы или соседей,

Черновой в том, что наняла у нее дом, состоящий из трех частей: 1-й квартала под № 41 на Малой Поварской улице с принадлежностями и оному, особым двором колодезю, кухней и людской избой, конюшней и каретным сараем, и анбаром для хлеба, сроком с вышесанного числа впреред на один год, то есть, по десятое число июня месяца будущего 1831 года, ценю за тысячу рублей...».

Далее перечисляются все уже известные по приведенному выше документу условия и обязательства.

Следующий и последний договор с «купеческой вдовой Феклой Черновой» был заключен Е. А. Арсеньевой с 1831 года июня 10 дня, по «10-е число июня месяца будущего 1832 года».

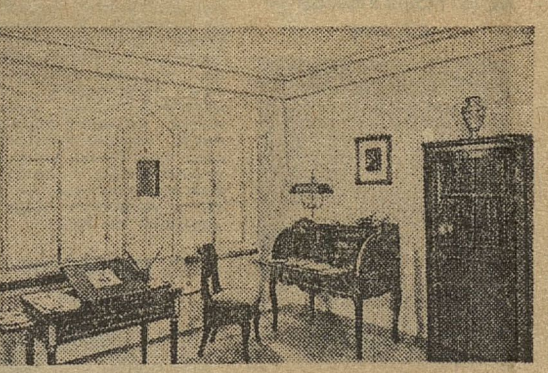
Итак, срок найма дома истек 10 июня 1832 года. А 18 июня 1832 года Лермонтов получает свидетельство об увольнении из университета и скорее всего, в июле уезжает в Петербург. Найденные записки оговорок точно определяют временные границы жизни Лермонтова в доме № 2 на Малой Молчановке: с 1 августа 1829 года по 10 июня 1832 года, то есть почти три года, а не два, как считалось ранее.

Если представить, что, что наиболее вероятно создавалось именно на Молчановке, то получится поразительная картина.

Здесь было написано около 250 стихотворений. Во все другие годы их создано немногим более 140. Поэм — около семнадцати из тридцати, в том числе четыре первые редакции «Демона». Пишутся драмы «Испания», «Люди и страсти», «Странный человек». Возможно, что здесь шла и по крайней мере завершалась работа над «Цыганами» — первым опытом юного Лермонтова в драматургии.

В тетрадях этой поры имеется пять переводов в прозе, одиннадцатилетних биографических заметок, свыше шестидесяти планов, сюжетов, набросков.

Очевидно, здесь, на Молчановке, начиналась работа над романом, о котором Лермонтов упоминает в письме к М. А. Лопухиной от 28 августа 1832 года из Петербурга. Поэзия в день шел напряженный поэтический труд, совершался важнейший процесс творческого становления

Кабинет в Доме-музее М. Ю. Лермонтова на Малой Молчановке

поэта. И из скромного московского домика в Петербург уехал человек, готовый к своему великому поприщу.

СУЩЕСТВУЮТ разные мнения о том, где прожил Лермонтов первую зиму в Петербурге по приезде из Тархана осенью 1827 года. Называется то Дом Гоона на Сretenке в Сергиевском переулке, то квартира на Поварской.

Нами найдены документы, проливающие свет на этот спорный вопрос. 1827 года августа дня, я, нижеподписавшаяся Елизавета Александровна Арсеньева, заключила сию условия гвардии с прапорщицею Елизаветой Яковлевной Костомаровой в том, что наняла у Арсеньевой, у ней Костомаровой, деревянный флигеля, состоящий Арбатской части в 3 квартале под № 228, в зоне на дворе на левой стороне. При оном людская, каретный сарай, конюшня, стоила, кухня и погреб и имеющаяся в оном флигеле по принятой мною описи мебель и прочее, с вышесанного числа впреред на год, то есть по 29 августа 1828 года, с платою за наем означенного флигеля тысячу рублей, холщаную монету; по третьем и при совершении сего усервнию

ина Я. Арсеньева, ей, Костомаровой, отдать за 1-ю треть тридцать три копейки. При наступлении каждой третьей платы мне впреред. В оном флигеле, мною занимаемом и людским моим, обязуюсь хорошую чистоту и опрятность наблюдать. Если же, паче чаяния, несмотрением моим и живущих при мне, последует от неосторожности, от чего, бже сохран, пожар в таковом случае обязуюсь заплатить в следующую по оценке сумму полуса оба флигеля в двадцать тысяч ассигнационных или же, выстроить ей такой же, не доводя ее ни до каких хлопот. Если же несчастие случится от молнии, от печей или соседственного строения, то ей, Костомаровой, ничего не требовать. О приезжающих и проживающих в оном занимаемых людях, изв дознаи иметь, с узаконенными видами, давать знать полиции мне. Продачу и отчуждение и личное, чистоту труб и печей исправлять ей, Костомаровой. Буде я пожелаю по собственной воле из занимаемого мною флигеля съехать, не доводя стрит, за которую отдааны будут деньги, то мне от нее не обязательно. А ежели сей флигель понадобится моему хозяйке, и я, не доживи третьи сего срока, должна буду съехать, в таковом случае расчеся ей

со мною по то число, когда я съеду и при съезде моем тот флигель сдать ей, Костомаровой, в том самом виде и чистом и всякой исправности, за которую она обязуется заплатить деньги. И таковою же мебель испразить или купить на свой счет. Заключенные условия по описи принятым мебелиам за моим подписанием иметь ей у себя. И мне, Арсеньевой, от нее, Костомаровой, за ее подписанием получить с оных копии. Условия сии для обоюдной верности записать у маилерских дел в книгу и с обеих сторон хранить свято и не нарушить. Вдова гвардии поручица Елизавета Арсеньева руку приложила. К сей записке губернский секретарь Иван Никитин сын Шаевский по доверенности Арсеньевой и подписное условие и себе взял. Маилер Никифор Бастрыгин. Добровольной Терехов. По 1-е) 1828 года августа 27 дня договор был продлен «по 19 августа 1829 года».

Итак, по приезде из Тархана осенью 1827 года Лермонтов с бабуш-

кой поселяются не на Сretenке, а именно на Поварской у Костомаровой, и живут у нее с 29 августа 1827 года по август 1829 года, а уже с 1 августа, 1829 года, как говорилось выше, Е. А. Арсеньева нанимает дом у купчихи Черновой.

С. БОЙКО, старший научный сотрудник Государственного литературного музея

1 Фотография подлинника записки Ф. И. Черновой, оловен, числилась опекуницей собственных детей. Старое название Малой Молчановки. 2 ЦГИА, ф. 14, л. 3637, л. 19, зап. 121. 3 Там же, л. 3943, л. 3, зап. 12. 4 Там же, л. 4189, л. 19, зап. 107. 5 Договорная записка сделана 2 сентября. Дата августа устанавливается из контекста — 29 августа. 6 Ошибка в записке. Дом № 282. 7 ЦГИА, ф. 14, л. 3173, л. 22, зап. 133. 8 Там же, л. 3350, л. 23, зап. 12. 9 Основанное на записке в черковой книге предположение, что Лермонтов, прежде чем поселиться у Костомаровой, жил в доме Лахутиги, найденные документы не подтверждают.